

К годовщине Валентина Устинова

Первый президент Академии поэзии, автор более двадцати книг поэзии и прозы. Тончайшей души человек и в то же время отчётливый лидер, сплотивший вокруг Академии поэзии лучшие поэтические силы России. В 2009 году указом президента РФ Валентин Алексеевич Устинов награждён государственной наградой — орденом Дружбы — за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства и многолетнюю плодотворную деятельность. Представляем стихи, созданные поэтом в последние годы.

Помним, любим, благодарны!

«Надо бы плакать, а хочется жить...»

МЕТЕЛЬНЫЙ ХРАМ

Храм — воздвигаемый белою бездной
зимней метели, скрипучей, железной —
что ты возвращаешься вихрем в ночи?
Что ты бредёшь по равнинной трясине?
Или молитву несёшь по России?
Или, отчаявшись, хрипло кричишь?

Вот окружил меня белой стеною.
Был бы я рад подойти к аналою —
свечку затеплить, молитву сложить.
Пусто. Лишь слёзы на веках густели
то ли от вздохов прощальной метели,
то ли от счастья, что надобно жить.

Русское поле, давно мог понять я:
жизнь — испытание, но — не распятье.
Вот и сегодня: и темень, и снег.
Но почему, когда вьюга восстала
храмом из поля — душа заблестала?
Божий огрех? Или божий успех?

Сколько я помню — иду через поле:
в боли телесной, в провидческой боли.
Надо бы плакать, а хочется жить.
Нет для смертного в радости срама.
Нет для вечного в напасти драмы.
Лишь очищение и подвиг души.

Что ж, поклонюсь я метельному богу.
Стены раздвину — и двинусь в дорогу.
Темень, конечно, — ни изб, ни огня.
Вихри вокруг — словно свечи витые.
Но разогну с облегчением выю.
Господи Боже, порадуй меня.

ЯСТРЕБИНОЕ ЗАХАРОВО

Дикий крик ястребиный.
Я резко очнулся.
Над глазами сиял между вётел прогал.
Дальний лес за речною излучиной гнулся
и к дворянской усадьбе аллеей сбегал.

Загудело пространство —
и вдруг распряилось.
Старый дом за рекою колонны подъял.
Засияла округа — как божья милость.
И сирени затеяли розовый бал.

Золотой колоколец далёкого смеха.
Двери хлопнули, будто затеяв пальбу.
И курчавый малец по перилам поехал,
чтоб, скатившись, упасть в молодую траву.

Где вы, ястребы неба?
Я знаю: над полем
от сурепки медовым и властью золотым
вам не надо искать сокровенную долю,
просто надо быть жизнью — сиреневой в дым.

Я не помню твой голос,
стремительный Пушкин.
Помню утро твоё и сиреневый бал.
Помню: «Саша!» — призыв с недалёкой опушки
твоей бабушки — Машеньки Ганнибал.

Ах, какие в Захарово ветры и дали!
Пушкин к липе припал, на скамейку присел.
Все мы славе и доблести время отдали.
Ястреб в солнечном ветре бессмертно висел.

Всё потом, всё грядёт:
и любовь, и свершенья,
и сраженья, и гибели яростный стон...
А пока — только ястреба в небе круженье.
Только наш удивительный сон.

В этот день я проспал посредине вселенной
миг рожденья, миг смерти
и вечность меж них.
Словно жил меж травы — бесконечной и тленной.
И трава нашептала написанный стих.

МОИ РОДНЫЕ БОЛОТА

Веет в полудень ветер — смятенно и горько.
Я вошёл, как в острог, в синезубчатый лес.
И родимый до боли силуэт Вольной Горки
за полями, стогами, кустами исчез.

Заструились ручьи — поперёк и вдогонку.
Трясогузка тропу колотила хвостом.
Над озёрцами вихри вершили возгонку —
из горячего пара творили фантом.

Жизнь моя, это ты остроглазую птицей
(вся стремительна, зла, то черна, то бела)
промелькнула крылатою тенью по лицам
и в родные болота меня завела.

Трясогузка с тропы с жёстким клёкотом взмыла —
словно коршун: холодный безжалостный взгляд.
Здесь я вырос и вызрел — меж хлябями ила —
может, миг, может, вечность назад.

Никогда не забыть вересковое поле,
стоны топей, блуждающий призрак огня...
Никогда не забыть мне дурман гоноболи.
Никогда-никогда не забуду я боли
тех любовей, что строили в жизни меня.

вдохнула мама. —
Путь любви един.
Опять я набухать начну как почка.
А вдруг у нас родится Валентин?»

Мне снится по ночам:
сквозь листья звёзд
и ветви галактических спиралей
летит земля из непомерных далей
и путь её непостижим и прост.

Мне кажется — я помню первый день.
И шквал — создавший яблоко в полёте.
И как отец сверкающую тень
поймал в ладонь почти что на излёте.
Ел яблоко — вонзая в кожуру
весёлые искрящиеся зубы.
Смеялась мать:
«Ты ешь — как пьёшь жару,
в которой грозы, яблони и зубры.
Ты счастлив?»

Он? Он оглянулся: жизнь!
Он сеет жизнь и взращивает всходы.
Меня не зная, он в меня вложил
вот это счастье,
что кипит, дрожит,
цветёт и вянет, вновь цветёт, бежит,
хохочет, стонет, множится, кружит
густым многообразием природы.

Отец и мать...
Я набухал уже
той самой пресловутой дивной почкой.
Мой первый день катал с дождями бочки
и гром держал на радугах вожжей.

Я видел, как поморщился отец,
как яблочный огрызок кинул в лужу:
«Не яблоко покуда, а сырец.
Жаль, что сорвалось — загубило душу».
Мать в удивленье приоткрыла веки.
Он пояснил:
«А семья — что душа.
Душа же зреет в каждом человеке
до спелости, сквозь годы, не спеша».
«Как хорошо сказал, — вздохнула мама. —
Вот бы дожить до спелости души».
Отец примолк, но возразил упрямо:
«Ты вот что, не загадывай-ка драмы.
Надеждой опасения круши».

Они не знали — я сегодня знаю:
мать начинала свой последний год.
Отец же пронесёт победы зная
путями битв, отваги и невзгод.
В сорок седьмом на десять лет осудят.
В сорок девятом в лагерях умрёт.
Меня же вынынчат — спасибо! — люди.
Душевный всё же на земле народ.

Гляжусь в семидесятую зарю.
И вот, зачатый в счастье, без гнева
парю сквозь крону родового древа —
как яблоко созревшее парю.
Лечу сквозь годы, чтоб упасть на землю.
И стать землёй.
И яблоком земли
лететь туда, что всё и вся объёмлет,
что всё перерождение приемлет,
творит, ликует, страждет и болит.

Земные грозы.
Холод звёздной дрожи.
Мать и отец!
А жизнь так хороша...
И лишь одно воистину тревожит:
успеет ли созреть моя душа?

Вот яблоко: его румяный бок
кипит земным здоровьем ранета.
И я держу в руках,
как зрелый бог,
и спелый плод, и юную планету.

Словно радость и стыд —
в безобразных болотах за Мстою
по закатной дорожке кикимора мимо плыла.
Я не стою любви предзакатной, не стою.
Но она ведь была.

Всем заблудшим скажу я: любите, терпите.
Ваша жизнь — как полуночный сказ про любовь.
И любой — как стоящий на ростани витязь.
Посреди мироздания, в змеином болоте — любой.

Ночь соевой закружилась с бесшумным облётom.
Но село замерцало вдали, как маяк.
Шёл я, шёл — как по жизни — по топким болотам.
И надежды звезда выводила меня.

ПОЛЁТ ЯБЛОКА

Овальным дождь упал внезапно так —
как будто яблоко ударило о землю.

Отец сверкнул глазами в небо: «Внемлю!»
Набросил парусину на верстак
и побежал под яблоню, где был
шалаш из трав и будулья заборов.
И мать к нему прильнула:
«Не забыл
указ о запрещении абортот?»
(А был такой указ в тридцать седьмом).
Отец вздохнул: «Указами достали...»
И рассмеялся:
«О, великий Сталин!
Сумел он дочкой осчастливить дом».
«Ты думаешь, что всё же будет дочка? —